

Навстречу

нашим публикациям

Т. С. ЭЛИОТ

«УЛИСС», ПОРЯДОК И МИФ

Со следующего номера журнал начнет печатать роман Джеймса Джойса «Улисс». Предваряя публикацию, мы предлагаем вниманию читателей одну из наиболее известных и основополагающих работ в мировой джойсиане — статью «Улисс», порядок и миф», принадлежащую классику англо-американской поэзии XX века, драматургу, литературному критику Томасу Стернзу Элиоту (1888—1965), столетие со дня рождения которого отмечается в этом году.

«Улисс» был опубликован в Париже в феврале 1922 года статья Элиота появилась в ноябрьском номере журнала «Дайл» в 1923 году, в самый разгар бурных, даже ожесточенных споров о романе. Критики, литературоведы, писатели и читатели столкнулись с произведением, решительно ни на что не похожим. В нем все было как-то не так — сюжет, который практически отсутствовал, герои, о внутренней жизни которых говорилось в десятки раз больше, чем о внешней, стиль, который, как хамелеон, менялся от главы к главе. Впрочем, и глав не было в этой книге — автор настаивал, чтобы их называли эпизодами.

Даже самые искушенные литературные авторитеты не могли разгадать замысла, внутреннего плана романа. Сам же автор тщательно скрывал свои намерения, на вопросы предпочитал не отвечать, в лучшем случае отшучивался. Иными словами, он предоставил своим апологетам и оппонентам безграничные возможности теряться в догадках и спорить до хрипоты. При этом внимательно и весьма пристрастно следил за всеми выступлениями в печати.

В прессе же происходило следующее. Критик «Санди экспресс» с возмущением писал, что Джойс замахнулся на «святая святых» — христианскую этику, нравственный фундамент человечества. Рецензент такого солидного издания как «Куотерли ревью», в сердцах восклицал, что книгу Джойса невозможно читать, ее не должно цитировать, что она надругательство над хорошим вкусом и чистое издевательство над читателями. Ричард Олдингтон одобрительно встретивший ранние произведения Джойса, теперь опасался, что «Улисс» окажет отрицательное нравственное и эстетическое воздействие на всю будущую литературу. Его озлобленность разделял Арнольд Беннетт.

С другой стороны, апологеты безоговорочно называли Джойса «гением». Правда, и среди них были такие, кто считал, что «Улисс» — «слишком тонкое блюдо» для обычного читателя. Эзра Паунд и известный критик Эдмунд Уилсон спорили, насколько Джойс следует традиции Флобера; Валери

Т. С. Элиот. Рисунок Уиндема Льюкса, 1938 г.

Ларбо, переводчик «Улисса» на французский язык, считал, что Джойс столь же велик, как Рабле, а его Блум столь же бесшумен, как Фальстаф. Шоу писал, что «Улисс» — это дерзкое изображение омерзительной фазы в развитии нашей цивилизации, при этом очень правдивое, с которым обязан познакомиться каждый ирландец». Суждения, мнения, оценки без труда можно множить.

К началу 20-х годов Элиот был уже признан в литературных кругах как реформатор поэзии и ее теории, как законодатель литературной критики. За плечами у него была диссертация «Опыт и объекты познания в философии Ф. Г. Брэдли» (1916), работа в имажистском журнале «Эгоист» (1915—1922), где, к слову сказать, печатались эпизоды «Улисса» до появления романа отдельной книгой и статья-манифест «Традиция и индивидуальный талант» (1919). В 1922 году Элиот начал издавать собственный журнал «Критерион». Его взгляды в области теории были им изложены в книге «Священный лес» (1920).

К суждению Элиота, безусловно, прислушались. Оно подействовало отрезвляюще на разгоряченные умы не только потому, что принадлежало маститому литератору, но, в первую очередь, потому что в этой лаконичной статье была схвачена суть нового метода Джойса. Элиот первым обратил внимание на безличность, объективность письма Джойса, на использование мифа в романе и на создание особого стиля и системы символов для каждой части книги.

Статья Элиота была и полемичной. Хотя он не всегда называл своих оппонентов, современники, конечно, мгновенно узнавали их — все было на слуху. Так, говоря о восприятии романа как своеобразных «подмостков, воздвигнутых... дабы явить миру свою реалистическую сказку», Элиот имел в виду Эзру Паунда, с которым позволил себе не согласиться. Ошибочными считал Элиот и суждения Олдингтона, который критиковал «Улисса» в «романтической» манере, чего

Элиот-«классицист» активно не принимал. Олдингтон предостерегал своих коллег по перу от увлечения методом Джойса. Элиот, напротив, полагал, что мифологический метод, открытый Джойсом в «Улиссе», — будущее литературы.

Конечно, статья Элиота не разрешила всех споров о Джойсе. Скорее она еще резче обнажила различия в лагерях. Надо сказать, что эта статья занимает не только особое место в джойсоведении. Важна она и как документ, в котором изложены программные взгляды Элиота на искусство. В концентрированной форме, продумывая каждое слово, Элиот, в сущности, говорит о балансе субъективного и объективного начал в творчестве, который исключает «гипертрофию индивидуализма». По Элиоту, задача художника в том, чтобы добиться такой нравственной и эстетической самодисциплины, когда становится невозможным «самовыражение, неизбежно приводящее к деформации объективного содержания жизни». Нравственный порядок порождает порядок эстетический. При этом живое содер-

жание жизни пропускается через индивидуальность художника, а миру является истина, которой и стал в случае с Джойсом его «Улисс».

Важно, что, давая оценку «Улисс», произведению, как уже в 20-е годы почувствовал Элиот, эпохальному, эстетически и философски близкому ему самому, критик сумел подняться над личными пристрастиями, симпатиями и антипатиями и увидеть в книге главное — направление развития литературы. Ведь известно и частное суждение Элиота о романе, высказанное в одном разговоре: «Блум нам ничего не говорит. А весь этот новый метод изображения психологии кажется мне бесперспективным».

Но видимо, такова уж судьба этой книги, которая сама давно стала мифом литературы XX века, что она даже самым сильным умам дает пищу для споров не только с оппонентами, но и с самими собой, заставляет пересматривать хвалебные оценки или отказываться при повторном чтении от ниспровергающих суждений.

Е. ГЕНИЕВА

Книга г-на Джойса вышла достаточно давно, чтобы отпала необходимость воздавать ей хвалу в общих выражениях или увещевать тех, кто принижает ее достоинства; и эта книга вышла достаточно недавно, чтобы стало возможным предпринять хоть какую-то попытку осознать в полной мере ее место и значение. Единственное, что можно сейчас сделать — и это очень много для такой книги, — истолковать все аспекты ее (хоть число их неизвестно), которые еще не затрагивались. Я считаю эту книгу наиболее важным выражением нынешнего века; это книга, перед которой мы все в долгу и которая никого из нас не минет. Из этого я исхожу во всех своих рассуждениях о ней, и нет у меня желания красть у читателя время, произнося далее хвалебные речи: она меня удивила, восхитила и ужаснула — большего трудно требовать, вот, собственно, и все

Среди множества критических откликов на нее, которые я видел, я не встретил ни одного — за исключением по-своему ценной работы г-на Валери Ларбо, которая больше похожа на предисловие, нежели на критику, — где бы по достоинству оценивалось значение примененного метода — параллель с «Одиссеей», а также использование в каждом разделе соответствующих стилей и символов. Можно было бы ожидать, что именно эта особенность прежде всего обратит на себя внимание; но ее толковали как забавную проделку автора или рассматривали как подмостки, воздвигнутые им, дабы явить миру свою реалистическую сказку, в привычной форме не представляющую никакого интереса. Критика, которой подверг «Улисса» несколько лет назад г-н Олдингтон¹, представляется мне неудачной именно из-за этой поверхностности взгляда: но поскольку г-н Олдингтон писал до того, как увидела свет вся работа, его неудача честнее, чем попытки тех, кто имел перед собой полный текст книги. Г-н Олдингтон воспринял г-на Джойса как пророка хаоса и посетовал на поток дадаизма, который, как узрело его провидящее око, забьет, словно от

удара волшебного посоха. Конечно, с моей точки зрения, неуместно судить о том, какое влияние может оказать книга г-на Джойса. Великая книга на самом деле может повлиять дурно, а книга посредственная в ином случае может оказаться весьма полезной. Каждое следующее поколение само отвечает за собственную душу: гений ответствен перед равными себе — не перед собранием невежественных и развязных фатов. И все же трогательная забота г-на Олдингтона о недоумках имеет, как мне представляется, скрытый смысл, касающийся природы самой книги, с которым я согласиться не могу, — и это момент важный. Он находит, что эта книга, если я правильно его понял, есть некий призыв к хаосу и выражение чувств порочных, предвзятых, что она — искажение действительности. Но если я не приведу собственные слова г-на Олдингтона, я рискую заслужить упрек в неточности. «Я утверждаю более того, — говорит он², — что, когда г-н Джойс, обладающий талантами чудесными, направляет их на то, чтобы вызвать у нас отвращение к роду людскому, он занимается делом неправым и клеветает на человечество». Это весьма напоминает мнение учтивого Теккерея о Свифте: «С точки зрения морали, полагаю, это ужасно, бесстыдно, недостойно, богохульно: и как бы огромен и велик ни был этот Декан, говорю я, мы обязаны его освистать» (И это — о путешествии в страну гуинггимов, представляющем мне одним из величайших триумфов, коих когда-либо достигала душа человеческая! Правда, позднее Теккерей воздаст Свифту такую хвалу, какой едва ли когда-нибудь еще один человек удостоивал другого: «Так велик человек этот, что думать о нем для меня — то же, что думать о падении целой империи»). Г-н Олдингтон, по нынешним временам, почти так же щедр.)

Вопрос о том можно ли оклеветать человечество (в отличие от вопроса о клевете в обычном смысле, то есть клевете на отдельного человека или группу людей, противостоящих всем остальным), достоин обсуждения в философских обществах, но,

¹ Ричард Олдингтон (1892—1962) — английский писатель.

² «Инглиш ревью», апрель, 1921. (Прим. Т. С. Элиота.)

безусловно, будь «Улисс» «клеветой», он оказался бы подделкой, бессмысленным обманом, который никогда, ни на минуту не привлек бы внимания г-на Олдингтона. Не имею ни малейшего желания задерживаться на этом: что действительно интересно, так это спорное определение г-ном Олдингтоном таланта г-на Джойса — «великий неорганизованный талант».

Думаю, мы с г-ном Олдингтоном в принципе стремимся к одному и тому же и оба считаем, что называется это классицизмом. Только поэтому я и выбрал г-на Олдингтона объектом своих нападков в этом споре. Мы согласны в том, к чему стремимся, но не в том, как этого достичь и какая современная литература ориентирована в нужном для этого направлении. Мы, полагаю, придерживаемся единого мнения в том, что «классицизм» не является альтернативой «романтизму», и не станем, подобно консерваторам и либералам, республиканцам и демократам, становиться в позицию «кто не с нами, тот против нас». Классицизм — это цель, к которой стремится всякая хорошая литература, если она действительно хорошая, соотносясь с возможностями места и времени. Кто-то может быть «классицистом» в определенном смысле, отворачиваясь от девяти десятых того материала, который у него под рукой, и отбирая лишь мумифицированные музейные экспонаты, — таковы некоторые современные авторы, о которых можно было произнести в этой связи несколько крепких выражений, если бы они того стоили (г-н Олдингтон к их числу не принадлежит). А можно быть классицистом по художественному принципу, делая все, чтобы извлечь максимум возможного из имеющегося материала. Путаница возникает лишь потому, что термин применяется и к литературе, ко всей совокупности интересов и способов выражения, и к обществу, частью которого литература является, и в разных случаях смысл понятия не одинаков. Куда как легче быть классицистом в литературной критике, чем в художественном творчестве, ибо в критике ты ответствен лишь за собственные убеждения, а в творчестве ты ответствен за то, как сможешь распорядиться материалом, который ты просто должен пропустить через себя. В этот материал я включаю эмоции и переживания самого писателя, они для него — просто материал, который он должен пропустить через себя, а не добродетели для возвеличивания или пороки для уничижения. Поэтому вопрос о г-не Джойсе стоит следующим образом: в какой степени он имеет дело с живым материалом и как он с ним обходится — как художник, не как законодатель или проповедник.

Именно в этом смысле огромное значение приобретает использование г-ном Джойсом параллели с «Одиссеей». Она имеет ценность научного открытия. Никто до него

не строил роман на таком фундаменте: нужды в этом раньше не было. Я вовсе не считаю проблему решенной, называя «Улисс» «романом»; назовите его эпической поэмой — суть не изменится. Если это не роман, то лишь потому, что романная форма больше не работает; ибо роман не была формой, он был просто выражением века, не утратившего еще собственных форм настолько, чтобы появилась нужда вводить его в какие-то рамки. У г-на Джойса есть только один роман — «Портрет»; у г-на Уиндема Льюиса³ есть только один роман — «Тарр». Не думаю, чтобы кто-то из них написал когда-нибудь еще один «роман». Роман кончился вместе с Флобером и Джеймсом. Полагаю, дело в том, что г-н Джойс и г-н Льюис, «опережая» свое время, сознательно или, может быть, бессознательно, ощутили неудовлетворенность романной формой, отсюда большая бесформенность их романов по сравнению с романами дюжины умных писателей, не отдающих себе отчета в том, что она отживает свое.

Используя миф, постоянно выдерживая параллель между современностью и античностью, г-н Джойс прибегает к методу, которым следовало бы воспользоваться и другим. И они при этом были бы подражателями не более чем ученый, который применяет открытия Эйнштейна для осуществления своих собственных, независимых дальнейших изысканий. Просто это способ взять под контроль, упорядочить, придать форму и значение необозримой панораме пустоты и анархии, каковой является современная история. Это метод, черты которого уже были угаданы г-ном Йейтсом и необходимость которого г-н Йейтс осознал, думаю, первым из современников. Это метод, будущее которого обещает быть благоприятным. Психология (как таковая, вне зависимости от того, относимся мы к ней серьезно или нет), этнология и «Золотая ветвь»⁴ вместе сделали возможным то, что было невозможным еще несколько лет назад. Теперь, вместо метода повествовательного, мы можем пользоваться методом мифологическим. И я вполне серьезно считаю, что это шаг к тому, чтобы сделать современный мир доступным для искусства, шаг к порядку и форме, к которым так искренне стремится г-н Олдингтон. И лишь те, кто тайно и без посторонней помощи достигли самодисциплины в мире, который мало чем этому споспешествует, могут оказаться способными и дальше развивать это направление.

Перевод с английского ЮРИЯ КОМОВА

³ Перси Уиндем Льюис (1884—1957) — английский литератор и художник.

⁴ Золотая ветвь. Исследование магии и религии (1923). Эта книга Джеймса Джорджа Фрейзера (1854—1941) — видного английского ученого — считается одним из наиболее значительных трудов, исследующих истоки религии.